

УДК 1:159.964.26

А. В. ВертельСумской государственной педагогический
университет имени А. С. Макаренка**«ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ» В ПСИХОАНАЛИЗЕ Ж. ЛАКАНА И
ДЕБИОЛОГИЗАЦИЯ ФРЕЙДИЗМА**

В статье рассматривается влияние представителей структурализма и постструктурализма на философское переосмысление основных положений классического психоанализа З. Фрейда в контексте проблемы сознания. Показано тождество языковой структуризации сознания в структурализме, что является основой его переосмысления в психоанализе Ж. Лакана.

Ключевые слова: сознание, бессознательное, язык, психоанализ, структурализм.

Если З. Фрейд относился к всякого рода академической философии с отвращением, то Ж. Лакан придал психоанализу более философское измерение, освободившись от биологизаторских приоритетов, пытаясь превратить психоанализ в строгую социальную и гуманитарную науку, опирающуюся на лингвистические и логико-математические понятия. Если проследить развитие его идей, становится ясно, что структурный психоанализ приобретает формы «философствующей дисциплины». На лакановское «перепрочтение» и фундаментальное переосмысление идей З. Фрейда повлияли структурная антропология (К. Леви-Стросс), семиология (Ф. де Соссюр), лингвистика (Э. Бенвенист, Р. Якобсон), элементы немецкого идеализма (Г. Гегель в оригинальном истолковании А. Кожева), феноменология (в версии М. Хайдеггера), сюрреализм (Ж. Батай, С. Дали, Ж. Жане).

Ж. Лакана часто называют самым знаменитым психоаналитиком после З. Фрейда. Смело можно утверждать, что лишь ему удалось вызвать такую же любовь у преданных последователей и патологическую ненависть у противников, как это было в случае с З. Фрейдом. «Фрейдовская теория, к которой он (Ж. Лакан – А. В.) пришел в своих поисках, была для него хотя и важнейшей, но все же одной среди многих. Его положение в психоанализе всегда было маргинальным [...] именно в силу того, что занимавшая его проблематика и сам способ проблематизации были философскими, а не психоаналитическими» [6, 10].

Философское переосмысление психоанализа Ж. Лаканом произошло под влиянием лекций А. Кожева по «Феноменологии духа» Г. Гегеля, которые были прочитаны с 1933 по 1939 г. в Высшей практической школе в Париже. Эти лекции послужили толчком к разработке теории воображения и осознания, на основании сопоставления доктрин Г. Гегеля и З. Фрейда.

Философское учение А. Кожева можно обозначить как одну из разновидностей неогегельянства. Эта характеристика правомерна уже потому, что собственная доктрина А. Кожева скрыта за интерпретацией «Феноменологии духа», а диалектика Г. Гегеля рассматривается им как вершина и предел развития философской мысли. Система Г. Гегеля радикально пересматривается им под влиянием К. Маркса и М. Хайдеггера, а некоторые исходные его интуиции связаны с увлечением буддизмом Хинаяны. Ключом к интерпретации гегелевской философии для него является понятие времени, истолкованное в духе «Бытия и времени» М. Хайдеггера. А. Кожев отбрасывает не только философию природы Г. Гегеля, но и его учение об абсолютном духе. Диалектично лишь конечное человеческое существование, экзистенция наделена способностью самоотрицания и отрицания любой предзаданной сущности. Природные характеристики не отвергаются, но входят в человеческую реальность только как возможности отрицания и выбора. А. Кожев анализирует всю гегелевскую систему в терминах диалектики «Раба» и «Господина». В интерпретации А. Кожева Г. Гегель говорит: когда я хочу удостовериться в собственном существовании, я должен признать, что обязан им «Другому». Чтобы жить, я нуждаюсь в признании «Другого». Каждый индивид сначала враждебен «Другому» как препятствие на пути его овладения миром и требует от «Другого» признания и за это признание идет борьба [10, 139–140].

Для большинства академических философов Франции Г. Гегель был мало известен. Французские философы находились под влиянием неокантианства и относились с недоверием к тем мыслителям, которые разрабатывали свои системы после И. Канта, в особенности к Г. Гегелю из-за картезианского подозрения к универсальным философиям истории. Благодаря А. Кожеву во французской интеллектуальной среде начали говорить о хитрости разума, о желании желания и наконец о несчастном сознании [12, 76].

А. Кожев и Ж. Лакан собирались написать вместе статью «Гегель и Фрейд: опыт сравнительного анализа». Ж. Лакан свою часть так и не написал, в отличие от А. Кожева, посвятившего введению в проблему развития самосознания свои пятнадцать страниц, где сравнил *cogito* Р. Декарта с самосознанием Г. Гегеля и показал, что философия – это по сути дела желание философствовать. «Мыслю» Р. Декарта трансформируется в «желаю» Г. Гегеля. А. Кожев формулирует три важнейших понятия, которые будут активно использоваться Ж. Лаканом, а именно – *Я* (*je*) как субъект желания; желание как доказательство объективности бытия; собственное *Я* (*moi*) как источник заблуждения и самообмана.

С. Жижек, рассуждая о близости системы Г. Гегеля и теории Ж. Лакана, утверждает, что Ж. Лакан был гегельянцем. С. Жижек пишет:

«Лакан постоянно нападал на Гегеля. Но, давайте говорить правду, он никогда не читал Гегеля. Он читал очень модных тогда во Франции Александра Кожева и Жана Ипполита. И именно тогда, когда он думал, что критикует Гегеля, он оказался очень близок к Гегелю» [7, 11].

В современной философской литературе часто проводят сравнение гегельянства и психоанализа. Л. Драгунская говорит о том, что психоанализ – это ночь, подземелье, а диалектические преобразования происходят на свету. Психоанализ интересуется тем, из чего некий феномен произрастает, а гегельянство – то, что из этого феномена разовьется. Если психоаналитическая теория археологична (реконструктивна), то гегельянство проектно (конструктивно). Психоанализ – это дискурс тела, которое страдает от желаний и неудовлетворенных влечений, которые обретают форму переживаний т. е. уже духовную форму. Гегельянство – это история Духа, принимающего те или иные телесные, материальные формы, конфликтующие, отрицающие друг друга, но развивающие. Гегельянство берет начало с концепции Духа, некой самоматериализующей идеи, которая превращается во все и содержится во всем. Концепция З. Фрейда начинается с влечений. Начиная с таких мифологизированных концептов, как влечение и Дух, З. Фрейд и Г. Гегель приходят к реальности человеческой, культурной и социальной жизни. Оба они приходят к не сциентической рациональности, они ее не только не отрицают, но даже считают необходимой. По мнению Л. Драгунской, важнейшее, что объединяет психоанализ и гегельянство – диалектическая триада: тезис, антитезис и синтез в системе Г. Гегеля; океаническое чувство, расщепление психических процессов и их интеграция в концепции З. Фрейда [4, 123–124].

При разработке феноменологической онтологии П. Рикёр опирается на психоаналитический метод истолкования, выделяя в нем следующие основные моменты. Во-первых, психоанализ идет к онтологии путем критики сознания. На этом основании П. Рикёр включает З. Фрейда в число «философов подозрения». В данном контексте показательной является мысль В. Декомба: «... у таких философов, как Маркс, Ницше и Фрейд, картезианское сомнение словно укреплено крепостными стенами, внутри которых философ чувствует себя уверенно» [2, 173]. Интерпретации снов, видений, фантазмов, мифов, символов, которые предлагает психоанализ – это своего рода оспаривание претензий сознания быть источником смысла; психоанализ «говорит об утраченных объектах, которые обретаются вновь лишь символически», что, по мнению П. Рикёра, является условием для создания герменевтики, освобожденной от предрассудков Я, где проблематика рефлексии преодолевается в проблематике существования. Во-вторых, только в интерпретации и с ее помощью возможно движение Я к онтологии. Расшифровывая тайные желания быть, мы раскрываем само желание, лежащее в основании смысла

и рефлексии; *cogito* путем интерпретации открывает за самим собой то, что называют археологией субъекта. В этой археологии можно различить существование, но оно остается включенным в деятельность расшифровки. Но «археология субъекта» будет абстрактной, если не рассматривать ее в диалектическом единстве с телеологией.

При анализе движения сознания вперед, когда каждый образ находит свой смысл не в том, что ему предшествует, а в том, что последует за ним, П. Рикёр использует «прогрессивный» метод. Благодаря этому методу сознание извлекается из самого себя и устремляется вперед, к смыслу, источник которого находится впереди субъекта. Такой способ интерпретации сознания был разработан Г. Гегелем, и на первый взгляд, он прямо противоположен фрейдовскому методу: в гегелевской феноменологии истина каждого образа проявляется в образах, следующих за ним. Однако для П. Рикёра важно не их различие, а возможность синтеза. Г. Гегель, как и З. Фрейд, в равной мере говорят о неправомерности «философии сознания». Фрейдовское описание бессознательного есть «онтогенез» сознания; гегелевский же анализ сознания приводит к понятию эпигенеза: он имеет иную направленность – за пределы сознания, в область духа. Только в единстве этих двух герменевтик – гегелевской и фрейдовской – П. Рикёр видит залог подлинной интерпретации того или иного явления [8, 20–22].

Таким образом, П. Рикёр понимал психоанализ как своего рода «археологию» субъекта. «Антифеноменологическая» установка психоанализа, направленная не на редукцию к сознанию, а на редукцию сознания, позволяет этой исследовательской стратегии проникнуть в скрытый мир влечений, недоступный рефлексии. «Археологии» субъекта П. Рикёр противопоставляет «телеологию» субъекта, т. е. возвращение бессознательного в русло осознания. Позиция П. Рикёра вызвала резкий отпор и критику со стороны Ж. Лакана и его последователей.

У Ж. Лакана, как и у З. Фрейда, движение мысли не останавливается, нет однозначности и определенности того или иного понятия, той или иной теории. Каждое понятие определяется не чёткими дефинициями, а тонкими, порой замысловатыми отношениями с другими понятиями, историями концептуального пересмотра. Каждая теория меняется в зависимости от её отношений к другим теориям. Каждый термин зависит от точки зрения того, кто интерпретирует данный термин. Мысль Ж. Лакана подчиняется, как может показаться, логике бессознательного, которая не знает противоречий. Но при внимательном прочтении оказывается, что мысль Ж. Лакана предельно систематизирована.

П. Серио подчеркивает: если раньше французский язык считался «языком ясности», то после вторжения психоанализа в культурную жизнь Франции и его стремительной «ассимиляции» приучили людей к тому, что они должны уделять большое внимание словам, «играть» со словами, предполагать и находить в них какой-то скрытый смысл. Многие

интеллектуалы были настолько зачарованы стилем Ж. Лакана, что имитировали его языковые особенности. Стил Ж. Лакана практически неперево́дим на иностранный язык, поскольку все его размышления основаны именно на непрозрачности языка [9, 13].

Основатель новоевропейской философии сознания Р. Декарт считал, что сознание является отправной точкой как в философии, так и в науке. Р. Декарт пишет «Я есмь, я существую – это очевидно, [...] я лишь мыслящая вещь, иначе говоря, я – ум (*mens*), дух (*animus*), интеллект, разум (*ratio*) [...], я вещь истинная и поистине сущая» [1, 23]. Так классическое определение субъекта выражено в формуле: «*cogito, ergo sum*» – «мыслю, следовательно, существую». Сутью данного выражения является то, что мышление выступает как единственный атрибут души, она знает о своем психическом содержании, которое зримо изнутри. Аргумент указывает на самообнаружение субъекта в акте мышления (сознания), я мыслю и, созерцая свое же мышление, обнаруживаю себя мыслящего, стоящего за его актами и содержаниями. Ж. Лакан переосмысливает понятие картезианского субъекта; в его понимании субъект не является единством существования и мышления.

Д. Мэйси подчеркивает: «Во многом благодаря Лакану неприязнь к *cogito* стало одним из общих мест «структуралистских работ», неприязнь с почти карикатурным размахом, когда «картезианское» становится уничижительным термином, прилагаемым к любой философии сознания» [12, 72].

Проблема лингвистического обоснования сознания имеет в XX в. довольно длительную историю. В пределах структурной лингвистики постулат о тождестве языкового оформления сознания с самим сознанием стал общим местом уже во второй половине XX в. Современная философия говорит о том, что человек как личность, скорее всего, не адекватен своему сознанию. Но на данном этапе разработки проблемы нет серьезных доказательств в опровержение тезиса, что наиболее доступным и информационно насыщенным способом постижения сознания другого человека является информация, которую носитель исследуемого сознания передал при помощи языка.

Следующим этапом в развитии концепции языкового сознания было его отождествление не с устной речью, а письменным текстом как единственным возможным средством его фиксации более или менее достоверным способом. Рассматривая мир исключительно через призму сознания, как феномен письменной культуры, как порождение Гутенберговой цивилизации, постструктурализм уподобляет самосознание личности некой сумме текстов. Если ничего не существует вне текста (Ж. Деррида), то и любой индивид в таком случае неизбежно находится «внутри текста», т. е. в рамках определенного исторического сознания, насколько оно нам доступно в имеющихся текстах [5, 226].

По Ж. Деррида, сознание никогда не может быть свободным от «следов» бессознательного опыта. Я, которое воспринимает и представляет себя в настоящем, на самом деле «пишется» бессознательными «следами» прошлого. А это прошлое также «написано» следами своего собственного прошлого и т. д. Таким образом, чистого восприятия не существует. В «Полях философии» Ж. Деррида пишет: «Если чистое сознание и чистое я существуют как источник, то именно в том смысле, что они не могут вернуться к себе. В постоянной и мгновенной потере сознания они не могут ни стать темами, ни дать место собственным или несобственным определениям, как и так называемым истинным тропам» [3, 322]. Сознание, при помощи которого происходит интуитивное познание мира, находится вне пределов действия логики. Оно не может интуировать какого-либо «присутствия» абсолютной истины. Познать себя и мир человек может только при помощи сознания и «зеркала языка». Сознание и язык – это то, на чем зиждется знание и что его создает. Но в то же время этот процесс, протекающий вне сферы действия разума и логики, оставаясь за рамками методов приобретения знаний – логики, рассуждения и т. д.

Весь мир, в конечном счете, воспринимается Ж. Деррида как бесконечный безграничный текст, как «космическая библиотека». Специфика, постмодернистской трактовки языкового сознания состоит уже не столько в его текстуализации, а в его нарративизации, т. е. в способности человека описать свой жизненный опыт в виде связного повествования, которое напоминает структуру художественного текста. Так выявляются две тесно связанные друг с другом проблемы, а именно: языковой характер личности и повествовательный модус повседневной жизни как специфической для человеческого сознания модели оформления жизненного опыта.

Г. Ямпольская выделяет три причины, которые составляют основную ценность структурного подхода в исследовании сознания [11, 159].

1. Структурализм представляет собой определенную оптику, в которой разрозненные факты предстают как различные стороны некоего целого феномена, который можно описывать и изучать как таковой. Структурализм характеризуется определенным методическим сдвигом: сознание, опосредованное языком, становится одновременно и элементом значения в определенной символической структуре и средством верификации изучаемой реальности. Здесь отчетливо видно прорастание философской проблематики сквозь специально-научную.

2. Структурализм выработал новый подход к проблеме взаимодействия субъекта и объекта в познании. Если классический подход состоял в противопоставлении объекта субъекту, то здесь субъективность исследователя (и субъект вообще) теряет свои индивидуальные черты. Он оказывается частью общей «структуры», т. е. того метаязыка, на котором единственно и возможно описание подобных феноменов. Это своего рода

очищение объективности от субъекта, через опору на «внеиндивидуальную природу языка», которая обеспечивает переход от одного Я к другому и от одной культуры к другой.

3. Структурализм заменяет исследование отдельных предметов исследованием того структурного поля, в котором они существуют, что позволяет выйти за пределы мышления в категориях. Язык, который в структуралистской парадигме описывает все и всех, это уже не классический язык, являющий субъект в качестве того, что обладает предикатом. Язык как место анонимной игры означающих и означаемых, как сверхструктура становится лишь посредником в познании, он теряет свою прежнюю онтологическую значимость. Из места явления вещи сознанию язык превращается в метод доступа к *de facto* определяющим до-предикативным реальностям. В данном случае это бессознательное у Ж. Лакана.

Результатом дебиологизации классического психоанализа Ж. Лакана являются два тезиса.

1. Бессознательное структурировано как язык.
2. Бессознательное – это речь «Другого».

Опираясь на эти тезисы, он утверждал, что только лингвистический анализ языка и его механизмов может адекватно раскрыть структуру бессознательных и соответственно сознательных процессов. С точки зрения Ж. Лакана, чистое доязыковое бессознательное нам не дано, о нем можно рассуждать только на основании рассказа другого человека. Таким образом, бессознательное – это речь «Другого».

На основании вышеизложенного можно сделать следующий вывод: Ж. Лакан сыграл существенную роль в теоретическом обосновании текстуализации сознания, выдвинув идею текстуализации бессознательного, которое традиционно связывалось, прежде всего, со сновидениями. Это стало очень важным моментом в оформлении нового представления о сознании человека, поскольку к тому времени уже было ясно, что своим рационально аргументированным дискурсивным полем оно не исчерпывается. Тезис Ж. Лакана о том, что сновидение структурировано как текст и более того, что «сон уже есть текст», был использован и развит в работах постструктуралистов и постмодернистов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Декарт Р. Размышления о первой философии, в коих доказывается существование Бога и различие между человеческой душой и телом / Рене Декарт // Соч. в 2 т. – М.: Мысль, 1994. – Т. 2. – С. 3–72.
2. Декомб В. Дополнение к субъекту: Исследования феномена действия от собственного лица / Винсент Декомб; [пер. с фр. М. Голованивской]. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 576 с.
3. Деррида Ж. Поля философии / Жак Деррида; [пер. с фр. Д. Ю. Карлечкина]. – М.: Академический проект, 2012. – 376 с. – (Философские технологии).
4. Драгунская Л. С. Эдип и истина, или Фрейд и Гегель. Герменевтика одного запрета / Л. С. Драгунская // Человек. – 2012. – № 2. – С. 116–124.

5. Дьяков А. В. Философия пост-структурализма во Франции / А. В. Дьяков. – Нью-Йорк: Издательство «Северный Крест», 2008. – 364 с.
6. Дьяков А. В. Жак Лакан. Фигура философа / А. В. Дьяков. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. – 560 с. – (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»).
7. Жижек С. Философия начинается с Канта и заканчивается Гегелем / Славой Жижек // Логос. – 2007. – № 1 (58). – С. 3–13.
8. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Поль Рикёр; [пер. с фр. И. С. Вдовиной]. – М.: Академический Проект, 2008. – 695 с. – (Философские технологии).
9. Серио П. Как читают тексты во Франции / Патрик Серио // Французская школа анализа дискурса. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. – С. 12–53.
10. Философы Франции: словарь / [под общ. ред. И. И. Блауберг]. – М.: Гардарики, 2008. – 320 с.
11. Ямпольская А. В. Современная французская мысль и переосмысление структурализма. Размышление над книгой Н. С. Автономовой «Познание и перевод. Опыты философии языка» / А. В. Ямпольская // Вопросы философии. – 2009. – № 3. – С. 158–164.
12. Macey D. On the subject of Lacan // A Elliott and S. Frosh (eds.). Psychoanalysis in Contexts. – London and New York: Routledge, 1995. – P. 72–86.

РЕЗЮМЕ

А. В. Вертель. «Мовна свідомість» у психоаналізі Ж. Лакана і дебіологізація фрейдизму.

У статті розглядається вплив представників структуралізму та постструктуралізму на філософське переосмислення основних положень класичного психоаналізу З. Фрейда в контексті проблеми свідомості. Показано тотожність мовної структуралізації свідомості у структуралізмі, що є підґрунтям її переосмислення у психоаналізі Ж. Лакана.

Ключові слова: свідомість, несвідоме, мова, психоаналіз, структуралізм.

SUMMARY

A. Vertel'. «Language consciousness» in J. Lacan and debiologization freudian's psychoanalysis.

In article influence of representatives of structuralism and post-structuralism on philosophical reconsideration of basic provisions of classical psychoanalysis of S. Freud in a context of a problem of consciousness is considered. The identity of language structurization of consciousness and actually consciousness in structuralism that is a basis of reconsideration of consciousness in J. Lacan's structural psychoanalysis is shown.

Key words: consciousness, unconscious, language, psychoanalysis, structuralism.